

ALEKSANDRA ZYWERT

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

<https://orcid.org/0000-0002-9922-6717>**К ВОПРОСУ ПОСТПАМЯТИ В РОМАНЕ СЕРГЕЯ ЛЕБЕДЕВА *ЛЮДИ АВГУСТА***

ON THE QUESTION OF POSTMEMORY IN THE NOVEL BY SERGEI LEBEDEV THE PEOPLE OF AUGUST

This article is devoted to the analysis of Sergei Lebedev's novel *The People of August* (2016) in the context of postmemory. The work is focused on the writer's third attempt to comprehend the past, this time in the context of the landmark events of 1991 for Russia – a kind of border situation that turns into an impulse to fight for the future. But, unfortunately, as Lebedev shows, regardless of political circumstances, history repeats itself all the time. Hence, the traumatic imperative of searching for the „forgotten” dead becomes the main „storyline” of next generations. The policy of the current, once again uncontested authorities, which prefers a utilitarian rather than ceremonial attitude to the dead and supports „Sovietism”, condemns Russia to, paradoxical being-non-being, endless traumatic remaining in the „mute” memory without the possibility of regaining its own identity.

Keywords: *The People of August*, Sergey Lebedev, postmemory, identity

[...] не ищи живых, ищи мертвых.
С. Лебедев, *Люди августа*¹

Переписать историю сложно. А если историкам будут затыкать рот, то останутся писатели, которые их заменят и будут рассказывать о настоящей, правдивой истории².

А. Ассман

За последние годы, как верно замечает Анна Артвинска, существенно выросло значение так называемого семейного романа, ядром которого является трансгенерационная травма³. Поколе-

¹ С. Лебедев, *Люди августа*, Интеллектуальная литература, Москва 2017, с. 91.

² А. Ассман, «Россиане старательно пытаются стереть из памяти очень многое...». Беседавал Егор Виноградов, <https://www.dw.com/ru/алейда-ассман-россияне-старательно-пытаются-стереть-из-памяти-очень-многое/a-18012698> (10.09.2021).

³ Шире на эту тему см. напр. И. Кирилук, *Трансгенерационная травма: нерассказанные истории и непрожитые жизни*, <https://prostranstvo>.

ние детей и внуков старается вернуть, а затем сохранить и увековечить все те моменты семейной истории, которые были пропущены или сознательно скрыты. Литература памяти в рамках восточно- и центральноевропейских литератур пользуется огромным интересом, поскольку межпоколенческое наследие касается главным образом подсознательно передаваемой травмы — в России главным образом связанной с советским периодом⁴. В этом плане все творчество Сергея Лебедева — это важный голос в дискуссии на тему посткоммунистической коллективной идентичности.

Постпамять, как пишет Марианна Хирш, «не движение, не метод и не идея. Мне она видится, скорее, структурой меж- и транспоколенческого возвращения травматического знания и воплощенного опыта. Она есть следствие травматического воспоминания, но [...] отстоящее на расстояние поколения»⁵. Поколение «после» подсознательно (прежде всего, путем воображения и проекции) выстраивает отношения с коллективной и культурной травмой предков. В конечном счете человек формируется в большой степени теми фрагментами воспоминаний, которые не поддаются ни реконструкции (письменной или словесной), ни тем более осмыслению. Отсутствие рациональной критической дистанции в этом плане «продолжает жизнь» этих событий — и приводит к тому, что они, принадлежа прошлому, все время влияют на настоящее, а «поколение внуков» становится своего рода косвенными свидетелями истории, хранящими прошлое от забвения и беспамятства.

Роман *Люди августа* (2016) — это третья попытка автора осмыслить прошлое, на этот раз в контексте знаковых для России событий 1991 года. После дебютного *Предела забвения* (2010) и *Года кометы* (2014) Лебедев решается углубиться в специфику сравнительно недалекого времени «острых девяностых»⁶

center/ru/blog/343-transgeneratsionnaya-travma-nerasskazannye-istorii-i-neprozhitye-zhizni/ (10.09.2021).

⁴ См. А. Artwińska, *Transfer międzypokoleniowy, epigenetyka i „więzy krwi”*: О „*Małej Zagładzie*” Anny Janko i „*Granicy zapomnienia*” Sergieja Lebediewa, „*Teksty Drugie*” 2016, №1, с. 13–29.

⁵ М. Хирш, *Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста*, перев. Н. Эпсле, „Новое издательство”, Москва 2021, <https://litportal.ru/avtory/marianna-hirsh/read/page/1/kniga-pokolenie-postpamyatipismo-i-vizualnaya-kultura-posle-holo-1273958.html> (10.09.2021).

⁶ Используем определение Виктора Ерофеева из книги *Энциклопедия русской души*.

и попытаться разгадать тайну русского страха перед свободой и ответственностью за прошлое. Необходимо при этом добавить, что именно по этой причине статус автора в России является довольно неоднозначным. Тематический и проблемный пласты прозы Лебедева считаются в высокой степени опальными. Это неудивительно, поскольку автор всегда сосредоточивает свое внимание лишь на тех моментах прошлого своей страны, о которых или вообще не говорится или говорится очень мало и неохотно. Следовательно, его герои — это всегда люди или полностью выброшенные из истории, или оказавшиеся на ее периферии: преступники, безымянные жертвы режима или, наоборот, бывшие палачи, люди, пропавшие без вести, изгнанники или «люди всюду чужие» — представители национальных меньшинств. В этом контексте неудивительно, что премьерные издания некоторых его романов (например, *Дебютант*, 2019⁷) появляются в переводах, а сам автор намного более популярен на Западе, чем на родине («я гораздо более известен на Западе, чем в России. Мои книги больше выходят в переводах»⁸).

Такова же и судьба *Людей августа*. Сначала роман вышел в Германии (издательство S. Fischer⁹) и лишь год спустя был опубликован в России. В одном из интервью автор прямо указал на причины такого положения вещей: поскольку в России все время «предпринимаются попытки просто удалить некоторые страницы истории [...]. Сегодня нет прямой цензуры, однако уже невозможно найти издательство для романа, в котором содержится критическая оценка прошлого»¹⁰. Сходные мнения выражали и первые (на этот раз немецкие) рецензенты романа. После русского издания в «Frankfurter Allgemeine Zeitung» появился отзыв: «Роман в России все-таки напечатан, — подчеркивает немецкий критик, — но это ничего не меняет в том, что

⁷ Мировая премьера этого романа — это польский перевод: S. Lebediew, *Debiutant*, перев. G. Szymczak, Wydawnictwo „Clarusculo”, Warszawa 2020.

⁸ С. Лебедев, *Писатель Сергей Лебедев об ответственности за прошлое и современной России*, беседу вела Хатиа Хасаиа, <https://sova.news/2019/06/26/pisatel-sergej-lebedev-ob-otvetstvennosti-za-proshloe-i-sovremennoj-rossii> (10.09.2021).

⁹ S. Lebedew, *Menschen im August*, Перев. F. Zwerg, S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 2015.

¹⁰ С. Лебедев, *Сталин сажал людей толпами, а Путину достаточно посадить одного*, беседу вела Инга Пилипчук, <https://inosmi.ru/world/2015-1031/231089724.html> (10.09.2021).

критический взгляд на свою страну и ее историю в России остается нежелательным»¹¹.

Заглавие романа символично и, как говорит сам автор, на самом деле касается людей двух августов: августа 91-го, месяца надежд и ощущений, что все плохое прекратилось, и августа 1999 года — ужасного ощущения травматического *deja vu* (роман завершается сообщением о взрыве жилого дома в Москве на улице Гурьянова). Вынесение в начало романа августовского путча 1991 года (когда при поддержке коммунистов, скептически относящихся к политике Михаила Горбачева, на политической сцене появился Борис Ельцин) — это момент, который кладет начало цепи ассоциаций, касающихся многочисленных переломных моментов 90-х, во многом определяющих российское государство до сих пор. В свою очередь, август 1999 (когда премьером России стал Владимир Путин) — это наглядный конец эпохи. Неслучайно затем в начальном фрагменте романа описан момент свержения памятника Феликсу Дзержинскому:

В августе на Лубянской площади, где глухо стукнулся об асфальт Железный Феликс, общим было чувство, что здесь и сейчас рождается новая страна. Мы уже в ней, нам нужны лишь еще одно или два усилия, чтобы развязаться с печальным и мрачным наследием; нужна правда о прошлом — и мы не повторим ошибок, история пойдет новым путем¹².

Этот момент тем более драматичен, что тогда общество было убеждено в быстрых качественных переменах во всех сферах жизни. Люди поверили, что Россия перестала быть (как это в свое время назвал Андрей Сахаров) «страной в маске» и что наступила новая, подлинная, настоящая политическая свобода и нет уже запрещенных тем, обсуждаемых по необходимости «на кухне»¹³.

Период между этими двумя событиями предстает в романе как эпоха крайних противоречий — с одной стороны, Россия явится царством хаоса и анархии, с другой — страной свободы

¹¹ С. Лебедев, *Сергей Лебедев: Почему русский человек боится свободы*, беседа вел Ефим Шуман, <http://85.217.170.64/ru/serгей-лебедев-почему-русский-человек-боится-свободы/a-18808961> (10.09.2021).

¹² С. Лебедев, *Люди августа*, «Интеллектуальная литература», Москва 2017, с. 5. Все остальные цитаты по тому же изданию. Страницы указаны в скобках.

¹³ Шире на тему явления разговоров «на кухне» см. А. George, *Ucieczka z „Sali numer sześć”*. *Rosja na rozdrożu przeszłości i teraźniejszości*, перев. В. Bratny, Philip Wilson, Warszawa 2004, с. 142–167.

и практически ничем не ограниченных возможностей. Это обстоятельство является крайне важным с точки зрения развития сюжета. — Главный герой и одновременно рассказчик по прозвищу «Искатель» занимается поисками могил умерших по разным причинам и в разных обстоятельствах людей по заказу их родственников. Среди них есть и жертвы советских лагерей, и депортированные во время войны, и просто пропавшие без вести. Заодно все его путешествия (физически вперед, психологически назад) — это и поиски собственной идентичности — герой пытается разгадать тайну своего дедушки Михаила. Поиск мертвых, органично связанный с мотивом дороги и встречи, становится основным сюжетоорганизующим элементом. Одновременно такая стратегия позволяет автору посмотреть на современность в перспективе постпамяти — точнее, с точки зрения поколения внуков, людей, для которых глубокое советское прошлое (особенно время военного коммунизма и Великой Отечественной войны) является совершенной экзотикой. В случае Лебедева это первостепенная проблема, поскольку (ввиду санкционированной государством «исторической амнезии») в современном русском обществе все время не хватает настоящей преемственности памяти между первым и вторым поколением. Как замечает Эрнст ван Альфен, суть постпамяти состоит в том, что, стараясь идентифицироваться с предшественниками,

Младшие поколения создают ее с помощью воображения, позволяющего им реконструировать воспоминания, которых у них нет. Или реконструировать прошлое, о котором они ничего не знают¹⁴,

и таким путем обрести собственную идентичность. Если человек (как в СССР) десятилетиями постоянно подвергается насилию, значительно деформируется процесс преемственности, а затем и настоящего обновления прошлого — и такой человек (как подчеркивает писатель) «остается в мире, который он не в силах объяснить; у него отнята его речь, его язык [...] разговора с действительностью»¹⁵.

¹⁴ Э. ван Альфен, *Холокост и ГУЛАГ: что остается после памяти? Постпамять без постполитики в России: как определить «виновных»?*, Беседовали Михаил Немцев и Ирина Чечель, <http://gefter.ru/archive/17231> (10.09.2021).

¹⁵ С. Лебедев, *Репрессивное сознание: поколенческие уроки. Несмотря на все перемены последних десятилетий, насилие по-прежнему остается*

В этом контексте неслучайным представляется выбор возраста главного героя. — Лебедев на первый план выдвигает молодого человека, взросление которого пришлось на конец восьмидесятых годов. По мнению автора, как раз это поколение, парадоксально, было самым советским, поскольку только оно жило в «завершенном СССР», вмещающем в себя полный состав символов тоталитарной системы: «внутри этой эпохи, как матрешки, содержались СССР времен Брежнева, правление Хрущева, сталинское время, СССР двадцатых годов, советская власть революционного образца [...]. В восьмидесятые этот внутренне спорящий ансамбль уже не пополнялся, а только окостеневал, потом — распадался, умирал»¹⁶. Введение такого типа героя, о чем необходимо упомянуть, не является инновацией. Аналогичную стратегию использовал, например, Дмитрий Быков (*Оправдание*, 2001) или Михаил Елизаров (*Библиотекарь*, 2007). В обоих случаях (при совершенной разности этих романов) читатель видит одинаковую исходную ситуацию: перед лицом неожиданно обретенной свободы оба героя — преемники коммунистической «черной дыры беспамяти», люди, все время жившие в стране, пропитанной ложью и «советскостью», внезапно оказались в ситуации необходимости принятия сознательного решения. Одновременно они сталкиваются с совершенно новой действительностью — концом коммунистического коллективизма и хаосом 90-х годов. Для героя Быкова это заканчивается полной катастрофой. Сформированный эпохой всеобщего подозрения («Каждая советская вещь имела двойное дно»¹⁷), его герой не в состоянии принять правду и умирает (неважно: лишь психически или также физически). Так же завершается судьба второго героя: не сумев найти себя в новой реальности, он соблазняется магией социалистического слова и фактически погружается в небытие.

В этом отношении Лебедев идет совсем другим путем: начало 90-х годов — это пограничная ситуация, которая превращается

доминантой и в человеческих, и в управленческих отношениях, http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=201002026 (10.09.2021).

¹⁶ С. Лебедев, *Точка распада, О месте, где закончилась одна история. И началась другая*, http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=201102124 (10.09.2021).

¹⁷ Д. Быков, *Оправдание. Роман* // Д. Быков, *Оправдание. Роман, Эвакуатор. Роман и стихи вокруг романа*, Вагриус, Москва 2006, с. 40.

в импульс к борьбе за будущее (включая собственное) и идентичность путем обнаружения «стертого» прошлого¹⁸. Автор считает, что люди именно этого поколения, как никакие другие, и есть преемники всего СССР, поэтому их моральная обязанность — посмотреть в глаза правде о нем: открыть ее, показать всему миру, даже если она окажется неудобной¹⁹.

Эта стратегия находит свое отражение в сюжете романа. Как и в дебютном произведении, здесь все начинается как семейная история. Молодой парень получает от своей бабушки Тани, бывшего редактора «Политиздата», ее дневник, текст которого, с одной стороны, загадочный, а с другой — абсолютно лишен каких-либо эмоций. Сначала его читает отец героя, потом он сам. Первый восхищается обилием и весомостью фактов, касающихся прошлого (особенно дореволюционного) семьи, второго в том же тексте привлекают умолчания о некоторых событиях или лицах. Итак, в бабушкиных записках почти отсутствует ее

¹⁸ «Август 1991-го для меня и, может быть, для какой-то значительной части моего поколения — это то, что я называю временем открытых дверей. Еще в конце 1980-х годов, когда мы были детьми, нас готовили к жизни в бесконечно длящемся Советском Союзе, и никто не предполагал, что через два-три года такой страны не будет. Нас готовили к определенной жизни, в которой прошлое является ненужным грузом, - скрытое, темное, неудобное прошлое. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, в начале 1990-х открылся мир. Открылось то, что, в общем-то, всегда было с тобой как какое-то предчувствие, какая-то догадка, но ты ничего об этом точно не знал», С. Лебедев, *Сергей Лебедев: Почему русский человек боится свободы*, беседу вел Ефим Шуман, <http://85.217.170.64/ru/sergey-lebedev-pочему-русский-человек-боится-свободы/a-18808961> (10.09.2021).

¹⁹ Автор пишет: «Я прочитал много статей периода перестройки. Поразительно то, как часто в то время публиковались статьи о ГУЛАГе. Однако тон этих текстов был, скорее, миссионерским, тогда как правда понималась в духе социалистического реализма. Это означает следующее: Правда уже есть, ты должен ее принять и таким образом обновить себя самого. Подобный подход, естественно, является правильным в моральном отношении, однако он очень наивен. Дело в том, что правда, с которой пришлось иметь дело, оказалась очень неприятной, и, конечно же, возникает импульс, направленный на то, чтобы ее подавить. Человек, сталкивающийся с этой правдой, так и не стал объектом литературы. Создается впечатление, что лагерная тема закончилась с Шаламовым и Солженицыным. Но что происходит с героем Шаламова, когда он возвращается с Колымы домой и там встречает людей, которые писали на него доносы? Что говорит он своей дочери, когда она спрашивает его, где он был с 1937 года по 1953 год? Это фиаско искусства, поскольку общество после ГУЛАГа не стало темой для литературы». С. Лебедев, *Сталин сажал людей толпами...*

муж — дедушка рассказчика. Эта своего рода «черная дыра» в семейной истории частично наполняется содержанием в момент, когда герой случайно находит тщательно скрытый от глаз членов семьи черновик. Именно этот момент определяет дальнейшую жизнь героя и его профессию — поиски следов мертвых.

Введение в начале произведения автобиографического элемента²⁰ и эпизода с «беловиком» и «черновиком» имеет большое значение с точки зрения идейного содержания романа. Во-первых, он символически относится к одной из опознавательных черт советского общества — «двойной жизни», пропитанной страхом перед системой — ужасной формы игры общества в театре власти. Одновременно это конструирование собственной идентичности и вид своеобразной самотерапии. Наконец, с точки зрения современников — это наглядное свидетельство тогдашней действительности и ее меморизации²¹. В своем видении советского прошлого Лебедев занимает место между Зиновьевым и Оруэллом. Подобно Зиновьеву писатель отмечает, что коммунистическая идеология, как официальная концепция мира, человека и общества, была способом организации людей²², но он не разделяет его философской концепции (коммунизм как явление корнями уходит к общественным низам) и понимает ее в духе Оруэлла — как тоталитарную систему. Немаловажную роль в этом плане играет конструкция временных пластов. — Автор начинает свой роман в 1991 году и развивает его на фоне самых важных исторических событий того времени (с особым учетом чеченской войны). Хронологическая последовательность событий в сочетании с циклической сменой перспективы позволяет ему уловить не только парадоксы первых постсоветских лет, но и посмотреть на этот период в кон-

²⁰ Лебедев говорит: «моя бабушка, которая была редактором 'Политиздата', что перешло и в роман, повествование о себе самой уже отредактировала. За избытком ее наследственной памяти было скрыто то, что она не хотела сообщать о тридцатых и сороковых годах. Я, собственно, и пытался рассмотреть эту ситуацию: когда именно то, о чем она хотела умолчать, вернулось в Россию в конце 1990-х как исторический рок». С. Лебедев, *Сергей Лебедев: Почему русский человек ...*

²¹ Шире на тему функций дневников см. P. Rodak, *Dziennik pisarza: między codzienną praktyką piśmienniczą a literaturą*, „Pamiętnik Literacki” XCVII 2006, z. 4, с. 29–49.

²² Ср. L. Suchanek, *Obraz Rosji Sowieckiej u A. Solżenicyna i A. Zinowiewa // M. Bohun, J. Goćkowski (ред.), Zagadnienie rosyjskie. Myślenie o Rosji: oglądy obrazy spraw rosyjskich*, Secesja, Kraków 2000, с. 208.

тексте большой истории — со времен военного коммунизма по сегодняшний день. Итак, на первые моменты свободы автор смотрит с позиции очевидца:

Новая жизнь, возникшая после СССР, писала свой текст поверх двух прежних, дореволюционной и послереволюционной, писала вывесками магазинов и рекламой; всюду явились переделанные ларьки со звучными названиями вроде ООО «ГОРГОНА», «МЕДЕЯ», «ПРОТЕЖЕ» или «ГАМБИТ»; казалось, со всей страны за названиями ездят в одно место, где в запертой клетушке на последнем этаже сидит пьяный оракул, вышедший на пенсию почтальон, чемпион по разгадыванию кроссвордов, обладатель двух бесценных книг, двух магических фолиантов: мифологического словаря и словаря иностранных слов (с. 39).

В свою очередь, прошлое вводится в текст произведения посредством записок бабушки героя. Таким образом реализуется процесс перенесения центра тяжести с индивидуальной на общую перспективу. В итоге главным героем романа, несмотря на постоянное присутствие других персонажей, является история, рассматриваемая не как абстрактное понятие, а как совокупность судеб конкретных людей. В ходе поиска следов очередных покойников герой убеждается в том, что история России предстает как спираль, в которой исторические события циклически повторяются на каждом следующем этапе ее развития. Что интересно, на что обращает также внимание Полина Щекина, параллельно происходит процесс их мифологизации или искажения²³. Как показывает Лебедев, сознательная кастрация памяти касается не только прошлого, но и настоящего. Примером служат эпизоды, посвященные войне в Чечне, которую автор описывает в конвенции, близкой Владимиру Маканину в романе *Асан* (2008), — из перспективы тыла²⁴, а не с точки зрения фронтовиков, как у Захара Прилепина в *Патологиях* (2004). Ее показывают в СМИ, но это не имеет значения, поскольку все так или иначе вписывается в рамки следующего «выпуска» деформирующего давления коллективной

²³ «События заменялись версиями событий, невыгодные исторические эпизоды изымались из памяти нации и замещались духоподъемными мифами», П. Щекина, «У безымянной могилы...», Сергей Лебедев. «Люди августа», <https://znamlit.ru/publication.php?id=6611> (10.09.2021).

²⁴ Похожее мнение высказывает Ольга Маркарян. См. О. Маркарян, *Образ и схема* (Сергей Лебедев. «Люди августа»), <https://magazines.gorky.media/october/2017/8/obraz-i-shema.html> (10.09.2021).

мифологии²⁵, опережающего, в очередной раз, процесс санкционированного забывания, сознательно создающий (а точнее, углубляющий) пролом в памяти последующих поколений. Неслучайно автор подчеркивает: «Война шла, телевизор показывал бои, раненых, убитых, Дудаева, боевиков; но шла она словно в другом пространстве, в другом времени» (с. 141).

Метод экспозиции чеченской войны является в этом плане наглядным примером функционирования административно-политического механизма забывания. Эта «мясорубка» начинает работать уже во время самой войны. Это война, в которой существуют лишь загадочные безымянные «победители» и такие же «побежденные», но нет конкретных живых людей. Последние даже не находят своего места в официальных списках и рапортах, а единственным источником достоверной информации о бойцах являются кочующие в районе военных городков матери («розыском штатских никто не занимается, разве что родственники [...] иди к матерям», с. 217). Точно так же, как и десятилетиями раньше, хаос, жестокость и беззаконие продолжают оставаться в порядке вещей, а согласие на злоупотребление забвением делает новую эпоху копией старой. Здесь речь идет даже не о стирании следов, а о предотвращении их возникновения. Неслучайно далее Лебедев констатирует:

Чечня застряла между СССР и Россией; там воевала армия с оружием, произведенным в Союзе, в советской форме, и стреляла она советскими пулями и снарядами — как и боевики; и, казалось, пока эти советские запасы не закончатся, страна не почувствует, что это происходит с ней здесь и сейчас (с. 141).

Новая эпоха, начало которой, по мнению писателя, положила именно чеченская война, является реактивацией хорошо известного режима, опознавательным знаком которого были запугивание и принуждение к социальной «стратегии избегания, где мотивом является смутное желание не получать сведений, не ведать о зле, совершаемом вокруг, короче, стремление не знать»²⁶. Эта стратегия, как пишет Поль Рикер, и есть результат сознательной манипуляции сознанием: лишения членов обще-

²⁵ См. М. Zaleski, *Formy pamięci, słowo/obraz terytoria*, Gdańsk 2004, с. 79.

²⁶ П. Рикёр, *Память, история, забвение*, перев. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская, Г. М. Тавризя, Издательство гуманитарной литературы, Москва 2004, с. 620.

ства возможности самим рассказывать о себе всегда в конечном счете приводит к возвращению вытесненного, а затем и к отсутствию этапа прощения.

Современная Россия (как и СССР) ориентируется на «новую» память, в которой предлагается «‘помнить’ уже не людей, а события эпического масштаба; стать участниками — наследниками эпоса, подняться на такую мнимую высоту взгляда, с которой якобы видна история как таковая»²⁷. Как показывает Лебедев, поскольку, независимо от политических обстоятельств, история все время повторяется, то травматичный императив поиска мертвых становится основной «сюжетной линией» следующих поколений. Итак, сначала бабушка главного героя во время Гражданской войны ищет тело своего отца среди кучи зарезанных солдат, а через несколько десятилетий, в чеченскую войну, снова женщины (матери, сестры, жены) вынуждены делать то же самое.

В этом контексте фальшивая декларация власти «никто не забыт, ничто не забыто» на практике обрекает следующие поколения солдат на забвение. Коллективная память снова будет неполной. Если же, как замечает Алейда Ассман, ту же память лишит индивидуальных воспоминаний, она будет дырявой (и в какой-то степени фальшивой), потому что то, чего не хотят увидеть сегодня, не сможет стать объектом памяти позже²⁸. В конечном счете, образ России подтверждает убеждение исследовательницы в том, что проблема искусственного забвения не является «песней о прошлом»:

[...] страна не дошла до второго этапа — «помнить, чтобы никогда не забыть» [...] в России сейчас отношение к прошлому — это отношение первого периода: забвение, забывание собственной истории. Россияне старательно пытаются стереть из памяти очень многое из того, что в какой-то момент после распада СССР стало выходить на поверхность. Очень открытая ситуация, которая была в 1990-х годах в России, когда историки имели доступ к архивам, поднимали многие интересные темы, могли выступать публично, сегодня сменилась закрытостью и молчанием²⁹.

²⁷ С. Лебедев, *Алтарь Победы. Сергей Лебедев о войне между культом и памятью*, <https://www.colta.ru/articles/specials/18384-altar-pobedy> (10.09.2021).

²⁸ А. Assmann, *Między pamięcią a historią. Antologia*, перев. М. Saryusz-Wolska, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2013, с. 212.

²⁹ А. Ассман, *Алейда Ассман: «Россияне старательно пытаются стереть из памяти очень многое...»*, Беседовал Егор Виноградов, <https://www.dw.com/ru/алейда-ассман-россияне-старательно-пытаются-стереть-из-памяти-очень-многое/a-18012698> (10.09.2021).

Такая точка зрения не удивляет, ведь по сей день, как упоминает писатель в одном из интервью, управление страхом является доминирующей стратегией власти³⁰. В результате, как пишет Поль Рикёр, мы имеем дело с абсурдной ситуацией, в которой «помилование в виде амнистии оказывается равнозначным амнезии»³¹ (более того, «структурной амнезией»). Объединение этих двух факторов приводит к тому, что общество становится «замороженным», по сути дела ментально застывшим в советском прошлом. Это явление, определяемое Лебедевым как «советскость», наиболее выразительно видно на примере Песьего Царя. На фоне всего творчества автора его история плавно вписывается в проблему, затронутую в дебютном романе *Предел забвения* (2010), в котором речь шла, в частности, о дальнейших судьбах «палачей», людей, которые после падения СССР молниеносно исчезли из поля зрения общества. Некоторые из них превратились в обыкновенных граждан с неведомым прошлым, а другие выбрали совсем удивительный (но и ужасающий) жизненный путь — не в состоянии жить по-новому, они погрузились в безумие. В этом случае на первом плане находится бывший лагерный кинолог и дрессировщик служебных собак в исправительно-трудовой колонии. Всеохватывающий хаос 1991 года дал ему неповторимую возможность создать собственное «государство», а точнее никем не контролируемое царство, своего рода продолжение лагеря, заселенного собаками и «живыми объектами для их обучения».

Воссоздал колонию и заселил ее собаками и тщательно подобранными людьми — «как живодеи, объезжал деревни и поселки, высматривая зрящих людей — гулевых опустившихся мужичков, детей-бродяжек, сбежавших из интерната, умственно отсталых, инвалидов, старых проституток-«плечевок», которым уже не было места на трассе (с. 168).

³⁰ Лебедев говорит: «1990-е годы были временем, когда существовало много страхов, однако исчез большой, фундаментальный страх — страх перед государством. Вместо регламентированной и упорядоченной власти неожиданной воцарилась непредсказуемая и хаотичная власть. Мне кажется, что люди хотят вернуться к старой форме правления, к которой они привыкли. Растущее стремление к контролю со стороны государства, которое в нулевые годы лишь постепенно намечалось, сегодня стало вездесущим. Если Сталин вынужден был бросать в тюрьмы сотни людей, то сегодня Путину достаточно посадить за решетку одного для того, чтобы добиться того же эффекта. Современные средства массовой информации способствуют распространению этого страха», С. Лебедев, *Сталин сажал людей толпами...*

³¹ П. Рикёр, *Память, история, забвение...*, с. 624.

Наиболее ужасающим в этом плане предстает финал «правления» Песьего Царя — когда рассказчик с товарищами добираются до поселка, завязывается борьба (а точнее, своего рода охота), в которой тот же «царь» гибнет от клыков только что оценившей себя суки. Тогда одна из живущих в поселке женщин, увидев погибающего мужчину, совершает самоубийство, бросаясь в пламя пожара:

Женщина вбежала в горящий барак [...] потом тяга выбросила язык пламени, алый, клубящийся, и дверь запылала; там, внутри, она — если успела — нашла Песьего Царя. Ворваться и вытащить ее уже было невозможно [...] Так же сжигали себя — за веру — раскольники; здесь не было веры, но была невозможность жить иначе, была преданность такой силы, что ты ничем не был способен ее превозмочь (с. 188).

На примере этого образа, по сути ритуального самоубийства, Лебедев указывает на факт, что одним из прочных побочных эффектов законного насилия является развитие репрессивного сознания³² и лагерного синдрома³³, проявляющегося как глубокая зависимость от своего палача, а затем и невозможность адаптироваться к другому образу жизни. В данном случае это акцентируется фактом, что и сам Песий Царь, и его «граждане» не знают другой жизни, кроме лагеря, лагерь является для них единственной освоенной формой существования. Царь — это по существу тот же зек, родившийся во время «чистки» и с детства ставший узником системы. С точки зрения идейного содержания романа, вся его дальнейшая жизнь — это наглядное доказательство одного из вариантов степени изуродования, психической деформации «идеальных строителей коммунизма» — людей, у которых нет ничего, кроме советской травмирующей памяти. Неслучайно затем Лебедев определяет понятие «советскости» как «Хлебный запах и острие ‘колючки’ — как одно целое, которого не разложить; щемящее чувство родства» (с. 178).

³² С. Лебедев, *Репрессивное сознание: поколенческие уроки. Несмотря на все перемены последних десятилетий, насилие по-прежнему остается доминантой и в человеческих, и в управленческих отношениях*, http://ps.iseptember.ru/view_article.php?ID=201002026 (10.09.2021).

³³ K. Rutkowski, *Syndrom obozowy mógł latami trwać uspioony w psychice więźnia*, wywiad przeprowadził Robert Jurszo, <https://www.mp.pl/pacjent/psychiatria/aktualnosci/136620,syndrom-obozowy-mogl-latami-trwac-uspioony-w-psychice-wieznia> (10.09.2021).

В своем видении автор соединяет точки зрения Георгия Владимова (*Верный Руслан. История караульной собаки*, 1975), Варлама Шаламова (*Кольмские рассказы*, 1954–1973) и в некоторой степени Алексея Варламова (*Затонувший ковчег*, 1997), показывая, что люди, «зараженные» лагерем, останутся в нем навсегда, они никогда не сумеют найти свое место в других условиях, чем тюремные, и всегда будут подсознательно искать кого-нибудь, кто возьмет ответственность за их жизнь. В более широком плане результат наблюдений Лебедева близок к неутешительным выводам Федора Достоевского (*Записки из Мёртвого дома*, 1861–1862) и Антона Чехова (*Остров Сахалин*, 1895), которые намного раньше указывали на пагубное влияние лагерного/каторжного опыта и на палачей, и на их жертв — после такой травмы обе стороны необратимо психически изуродованы (хотя каждая из них в другом измерении). Безграничная власть, данная одному человеку над другим, с одной стороны, с другой же — полное подчинение заключенного — это «смесь», результатом которой всегда является непоправимая двусторонняя внутренняя деформация (сравниваемая сегодня с ПТСР).

Из сегодняшней перспективы история Песьего Царя — это, кроме прочего, обвинение современной российской власти, которая не хочет взять на себя ответственность за социальные последствия насилия. Вялость, неэффективность новой России и нежелание заниматься социальными проблемами, способствует сохранению всех механизмов коммунистического режима и ментальности *homo soveticus*. В этом отношении, как верно замечает одна из исследовательниц, фигура Песьего Царя превращается в символ невылеченной болезни всего общества, героя, в котором «хранится страх перед хаосом, который перевешивает страх перед Госбезопасностью; стремление людей вернуться к привычной форме жизни за колючей проволокой»³⁴. В дальнейшем оказывается, что самая большая угроза для современного русского общества — это не столько сама коммунистическая угроза, сколько советское сентиментальное наследие, проявляющееся инстинктивной привычкой к неопределенному, неназываемому страху³⁵. Лебедев пишет:

³⁴ В. Бабицкая, *Язык, на котором молчат*, <https://newtimes.ru/articles/detail/116849/> (10.09.2021).

³⁵ Подтверждает это сам автор в интервью для *Die Welt*: «Если Сталин вынужден был бросать в тюрьмы сотни людей, то сегодня Путину достаточно посадить

Вот это, — подумал я, глядя на колонию, уже отрешившись от наваждения, — и есть *советское*, его суть, его плоть». Когда от колонии потянуло хлебом, мы почувствовали одно и то же, я видел это по лицам. Значит, это останется в нас. Не *коммунистическое*, в котором видели главную опасность, а *советское* сентиментальное наследство будет жить даже в Мусе, Джалиле и Даниле (с. 178–179).

Появляется вопрос: что дальше? Как показывает автор, спираль страха, что отчетливо видно в финале романа, никуда не исчезла. Она продолжает раскручиваться, изменились лишь методы репрессий. Независимо от политических изменений власть удерживает бессмертный КГБ. Наглядным доказательством этого является история Анны — «заложницы» биографии своего отца, Марса и самого рассказчика. Когда ему, наконец, удается завершить поиски своего дедушки, оказывается, что он также был кагэбэшником, полное досье которого никогда не исчезало — оно все время спокойно лежало в архивах «органов». Во время «торгового» разговора один из его представителей говорит прямо: «Если дедушка был из *наших*, [...] так мы его найдем» (с. 255). Показательна и сцена передачи документов — заплатив соответствующую сумму, герой получает папку и слышит: «Свободен». Это слово и есть квинтэссенция всей России, как с грустью комментирует рассказчик («Свободен», — беззвучно повторил я; и этот дурак не догадывается, насколько он прав» — с. 266–267) и одновременно идеальное резюме всего романа. Россия вовсе не изменилась, потому что ядро репрессий все время остается нетронутым.

Подытоживая, если говорить про запечатленную в книге Лебедева память 1991 года, — то это грустная память о первом со времен Октябрьской революции периоде настоящих надежд на качественные изменения в России (в том числе и на улучшение условий жизни обыкновенного гражданина), надежд, которые не сбылись, потому что сбыться не могли. Каждая последующая часть произведения — по сути дела свидетельство их медленного, но систематического распада, продолжения процесса социального забвения, понимаемого здесь как состояние отрицания, стирания и цензурирования прошлого³⁶ согласно стратегии

за решетку одного для того, чтобы добиться того же эффекта», С. Лебедев, *Сталин сажал людей толпами...*

³⁶ Шире см. R. Sendyka, *Niepamięć, albo o sytuowaniu form wiedzy o pamiętaniu*, „Teksty Drugie” 2016, № 6, с. 256.

упорного молчания³⁷. Неизжитая память о прошлом, причем не только о сталинской эпохе, примат коллективной памяти над индивидуальной (ярко замечаемый хотя бы в случае памяти о жертвах Великой Отечественной войны³⁸) и сильное деформирующее давление коллективных мифологий делают практически невозможным для поколения внуков стать сознательными преемниками памяти предков. Идущее сверху согласие селективно забывать отдельные исторические моменты в сочетании с навязчивой риторикой о следующей Великой Победе рождает новое насилие, продолжая заодно процесс увеличения свежих могил «Неизвестных солдат», то есть людей, обреченных на вечное забвение. В этом контексте *Люди августа*, органично вписывающиеся в проблематику постпамяти — сложного (особенно в случае посткоммунистической части Европы) бремени для поколения современных россиян — крайне пессимистическое произведение. Политика нынешней, вновь безальтернативной власти, предпочитающей утилитарное, а не церемониальное отношение к мертвым и поддерживающей «советскость», обрекает Россию на, как это определяет одна из исследовательниц, парадоксальное бытие-небытие³⁹, бесконечное травматическое пребывание в «немой» памяти без возможности вновь обрести свою идентичность⁴⁰.

³⁷ Шире см. A. Assmann, *Pięć strategii wypierania ze świadomości* // M. Saryusz-Wolska (red.), *Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka*, Universitas, Kraków 2009, с. 345.

³⁸ Шире см. С. Лебедев, *Алтарь Победы...*

³⁹ «‘Niepamiętana’ przeszłość jest niewidoczna, ale nie niedostępna. Jest tuż, tuż obok, ale nie na tyle, by móc się do niej odnieść. To paradoksalny byt-niebyt», R. Sendyka, *Niepamięć...*, с. 255.

⁴⁰ Наглядным доказательством этого явления и есть хотя бы отношение современных россиян к событиям 1991 года. Как пишет Артем Кречетников: «Каждый четвертый участник проведенного в минувшие выходные опроса ВЦИОМ вообще не имеет о нем никакого мнения. 43% назвали 19–21 августа 1991 года «эпизодом борьбы за власть», 24% — «трагическим событием, имевшим гибельные последствия для страны», и лишь 8% — «победой демократии». Граждане старше 55 лет чаще сочувствуют ГКЧП — 35%. Но и среди них безразличных — большинство». Шире см. А. Кречетников, *Август 91-го: не напрасно было?*, https://www.bbc.com/russian/russia/2010/08/100819_1991_coup_opinions (10.09.2021).

REFERENCES

- Alfen, Ernst van. “Kholokost i GULAG: chto ostayotsya posle pamyati? Postmapyat’ bez pospolitiki w Rosii: kak opredelit’ ‘vinovnykh’? Besedoval Mikhail Nemtsev i Irina Chechel” [Альфен, Эрнст ван. “Холокост и ГУЛАГ: что остается после памяти? Постпамять без постполитики в России: как определить ‚виновных’? Беседовали Михаил Немцев и Ирина Чечель” <<http://gefter.ru/archive/17231>>.
- Artwińska, Anna. “Transfer międzypokoleniowy, epigenetyka i ‘więz krwi’: O ‘Małej Zagładzie’ Anny Janko i ‘Granicy zapomnienia’ Siergieja Lebediewa”. *Teksty Drugie* 2016, no 1: 13–29.
- Assmann, Aleida. *Między pamięcią a historią. Antologia*. Transl. Saryusz-Wolska, Magdalena. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2013.
- Assman, Aleyda. “Aleyda Assman: ‘Rossiane staratel’no pytauytsya steret’ iz pamyati ochen’ mnogo...’” [Ассман, Алейда. “Алейда Ассман: ‘Россиане старательно пытаются стереть из памяти очень многое...’.”] <<https://www.dw.com/ru/aleyda-assman-rossiane-staratelno-pytauytsya-steret-iz-pamyati-ochen-mnogoe/a-18012698>>.
- Assmann, Aleida. “Pięć strategii wypierania ze świadomości.” *Pamięć zbiorowa i kulturowa, współczesna perspektywa niemiecka*. Saryusz-Wolska, Magdalena (Ed.). Kraków: Universitas, 2009: 101–142.
- Babitskaya, Varvara. “Yazyk, na kotorom molchat” [Бабицкая, Варвара. “Язык, на котором молчат”] <<https://newtimes.ru/articles/detail/116849/>>.
- Bykov, Dmitriy. *Opravdaniye. Roman*. Moskva: Vagrius, 2006 [Быков, Дмитрий. *Оправдание. Роман*. Москва: Вагриус, 2006].
- George, Alexandra. *Uciezka z “Sali numer sześć”. Rosja na rozdrożu przeszłości i terażniejszości*. Transl. Bratny, Berenika. Warszawa: Philip Wilson, 2004.
- Khirsh, Marianna. *Pokoleniye postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'turapосle Kholokosta*. Transl. Epple, Nikolay. Moskva: Novoye izdatel'stvo, 2021 [Хирш, Марианна. *Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста*. Transl. Эппле, Николай. Москва: Новое издательство, 2021] <<https://litportal.ru/avtory/marianna-hirsh/read/page/1/kniga-pokolenie-postpamyati-pismo-i-vizualnaya-kultura-posle-holo-1273958.html>>.
- Kirilyuk, Inna. “Transgeneratsionnaya travma: nerasskazannyye istorii i neprozhityye zhizni” [Кирилюк, Инна. “Трансгенерационная травма: нерассказанные истории и непрожитые жизни”] <<https://prostranstvo.center/ru/blog/343-transgeneratsionnaya-travma-nerasskazannyye-istorii-i-neprozhityye-zhizni/>>.
- Krechetnikov, Artem. “Avgust 91-go: ne naprasno bylo?” [Кречетников, Артем. “Август 91-го: не напрасно было?”] <https://www.bbc.com/russian/russia/2010/08/100819_1991_coup_opinions>.
- Lebedev, Sergey. *Lyudi avgusta*. Moskva: Intellektual'naya literatura, 2017 [Лебедев, Сергей. *Люди августа*. Москва: Интеллектуальная литература, 2017].
- Lebedev, Sergey. “Pisatel’ Sergey Lebedev ob otvetstvennosti za proshloye i sovremennoy Rossii” [Лебедев, Сергей. “Писатель Сергей Лебедев об ответственности за прошлое и современной России”] <<https://sova.news/2019/06/26/pisatel-sergej-lebedev-ob-otvetstvennosti-za-proshloe-i-sovremennoj-rossii>>.
- Lebedev, Sergey. “Stalin sazhал lyudey tolpmami, a Putinu dostatochno posadit’ odnogo” [Лебедев, Сергей. “Сталин сажал людей толпами, а Путину достаточно посадить одного”] <<https://inosmi.ru/world/20151031/231089724.html>>.

К ВОПРОСУ ПОСТПАМЯТИ...

- Lebedev, Sergey. "Sergey Lebedev: Pochemu russkiy chelovek boitsya svobody" [Лебедев, Сергей. "Сергей Лебедев: Почему русский человек боится свободы"] <<http://85.217.170.64/ru/sergey-lebedev-pochemu-russkiy-chelovek-boitsya-svobody/a-18808961>>.
- Lebedev, Sergey. "Tochka raspada, O meste, gde zakonchilas' odna istoriya. I nachalas' drugaya" [Лебедев, Сергей. "Точка распада, О месте, где закончилась одна история. И началась другая"] <http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=201102124>.
- Lebedev, Sergey. "Repressivnoye soznaniye: pokolencheskiye uroki. Nesmotrya na vse peremenu poslednikh desyatiletii, nasiliye po-prezhnemu ostayetsya dominantoy i v chelovecheskikh, i v upravlencheskikh otnosheniyyakh" [Лебедев, Сергей. "Репрессивное сознание: поколенческие уроки. Несмотря на все перемены последних десятилетий, насилие по-прежнему остается доминантой и в человеческих, и в управленческих отношениях"] <http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=201002026>.
- Lebedev, Sergey. "Altar' Pobedy. Sergey Lebedev o voyne mezhdru kul'tom i pamyat'yu" [Лебедев, Сергей. "Алтарь Победы. Сергей Лебедев о войне между культом и памятью"] <<https://www.colta.ru/articles/specials/18384-altar-pobedy>>.
- Markaryan, Ol'ga. "Obraz i skhema (Sergey Lebedev. Lyudi avgusta)" [Маркарян, Ольга. "Образ и схема (Сергей Лебедев. Люди августа)"] <<https://magazines.gorky.media/october/2017/8/obraz-i-shema.html>>.
- Rikër, Pol'. *Pamyat', istoriya, zabveniyе*. Transl. Blauberg, Irina at all. Moskva: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2004 [Рикёр, Поль. *Память, история, забвение*. Transl. Блауберг, Ирина и др. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004].
- Rodak, Paweł. "Dziennik pisarza: między codzienną praktyką piśmienniczą a literaturą". *Pamiętnik Literacki* 2006, z. 4.
- Rutkowski, Krzysztof. "Syndrom obozowy mógł latami trwać uspiiony w psychice więźnia" <<https://www.mp.pl/pacjent/psychiatria/aktualnosci/136620,syndrom-obozowy-mogl-latami-trwac-uspionu-w-psychice-wieznia>>.
- Sendyka, Roma. "Niepamięć, albo o sytuowaniu form wiedzy o pamiętaniu." *Teksty Drugie* 2016, no. 6: 250–267.
- Suchanek, Lucjan. "Obraz Rosji Sowieckiej u A. Solżenicyna i A. Zinowiewa." *Zagadnienie rosyjskie. Myślenie o Rosji: oglądy obrazy spraw rosyjskich*. Bohun, Michał, and Goćkowski, Janusz (Eds.). Kraków: Secesja, 2000: 201–210.
- Shchekina, Polina. "'U bezymyannoy mogily...'. Sergey Lebedev. 'Lyudi avgusta'" [Щекина, Полина. "'У безымянной могилы...'. Сергей Лебедев. 'Люди августа'"] <<https://znamlit.ru/publication.php?id=6611>>.
- Zaleski, Marek. *Formy pamięci*. Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2004.